

УЧАСТИЕ МЕЩАНСКИХ ОБЩЕСТВ УЕЗДНЫХ ГОРОДОВ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ В СБОРАХ ОПОЛЧЕНИЙ 1806 – 1807 И 1812 ГГ.

М. А. Белан

*Оксфордский Университет
(г. Оксфорд, Великобритания)*

Аннотация. В статье рассматривается участие мещанских обществ уездных городов Санкт-Петербургской губернии в сборах земского войска, или милиции, 1806 – 1807 гг. (милиция остается практически неисследованной темой) и земского ополчения 1812 г. За исключением общин Москвы и Санкт-Петербурга, почти не изучалась роль городских сословий в организации ополчений и значение этих сборов для городского гражданства – в особенности мещан. На основе впервые вводимых в научный оборот источников, прежде всего материалов городских дум (приговоры обществ, отчеты губернским властям и т. д.), рассматривается организация сборов ратников и денежных сумм общинами трех городов с различным экономическим укладом (Новая Ладога, Гдов, София-Царское Село). Сравниваются сборы в 1806 – 1807 и 1812 – 1813 гг. Приведены точные подсчеты, позволяющие сопоставить участие в ополчениях – поставки людей и сборы денег на их экипировку – с основными повинностями мещан: рекрутскими наборами и подушной податью. Вклад общин в организацию милиции недооценен. В 1807 г. было поставлено меньше людей, чем в 1812 – но они не были возвращены обществам. Из земского ополчения к 1815 возвратились только около 60 % ратников. Сборы на экипировку, провиант и вооружение ратников оказались значительными: они превышали обычные сборы на рекрутов во время ежегодных наборов. Отправка одного ратника обходилась в 100 – 200 рублей: сборы с одной д.м.п., раскладывавшиеся общиной (10 – 20 рублей в 1812 г.), превышали подушную подать и иные повинности мещан.

Ключевые слова: уездный город, мещанские общества, провинциальное гражданство, милиция, земское войско 1806 – 1807 г., земское ополчение 1812 г., Отечественная война 1812 г., пожертвования, ратники, община.

INVOLVEMENT OF ST. PETERSBURG PROVINCE DISTRICT TOWNSPEOPLE COMUNITITES IN RAISING MILITIAS IN 1806 – 1807 AND 1812

M. A. Belan

*University of Oxford
(Oxford, the UK)*

Abstract. The article analyses the involvement of meshchane communities in district towns of St. Petersburg province in the organisation of the zemskoe voisko, or militia, in 1806 – 1807 (the militia remains an almost unexplored topic) and the People’s militia in 1812. Except for Moscow and St. Petersburg communities, the role of urban estates in the organization of militias and militias’ significance for urban citizenship have not been properly examined – especially for meshchane. Based on new sources introduced into scientific circulation for the first time – documents of townhalls (community verdicts, reports to the provincial authorities, etc.) – the organization of the collection of militiamen and money by communities is studied. Three district towns, with varied economic background, are considered (Novaia Ladoga, Gdov, Sofia-Tsarskoe Selo). The collections of militiamen and money for their equipment in 1806 – 1807 and 1812 – 1813 are compared. Accurate calculations have been made to

compare the participation in militias – supplies of men and the collection of money – with main townspeople duties: recruit levies and the poll tax. The contribution of the communes to the organization of militia has been underestimated. In 1807 fewer people were supplied than in 1812 – but they were not returned by their communities. And by 1815 only about 60% of militiamen from zemskoe opolchenie returned. The collection of money for equipment, provisions, and weapons for militiamen was significant: it exceeded the usual money collected for recruits during the annual levies. Supplying one militiaman costed the community approx. 100 – 200 rubles: and individual shares from one male soul, laid out by the commune (10 – 20 rubles in 1812), exceeded the poll tax and usual recruit money.

Keywords: district town, townspeople meshchane community, provincial citizenship, militia, zemskoe voisko of 1806 – 1807, the People's militia of 1812, the Patriotic War of 1812, donations, militiamen, commune.

Введение

Манифестом от 30.11.1806 г. было объявлено о созыве земского войска [12, № 22374], а манифестами от 6 и 18.07.1812 г. – о сборе земского ополчения [14, № 25176, № 25188] (здесь и далее даты по старому стилю). Купечество и посадские общины городов Европейской части России активно участвовали в создании ополчений во время Смутного времени. Однако создание «народной силы» в начале XIX в. носило принципиально иной характер. На новом этапе, с переходом к массовым войнам, сборы дополнительных сил и средств становились важнейшим элементом государственной политики. Способность к широкомасштабной и быстрой мобилизации всех ресурсов – людских, материальных, финансовых [10, с. 125–135] – была показателем эффективности правительств [11, с. 1–11] в сложных экономических и политических условиях начала века. В самые напряженные моменты десятилетних войн Александра I сборы ополчений были предложены как своеобразная форма мобилизации тыла – русского общества [11, с. 43–74].

В других государствах мобилизация могла проходить иным путем: например, новые возможности открывала всеобщая воинской повинность (во Франции в 1798 г. была введена система всеобщего призыва – «конскрипция»). В России – с учетом существовавшего строя и в условиях рекрутской системы комплектования армии – к идее экстраординарной мобилизации подошли по-своему: создавались временные, отдельные от армии военные (или полувойсковые) силы [4, с. 72, 74]. По своей сути ополчения представляли собой форму всеобщей мобилизации в большей части европейских губерний (в 31 в 1806 – 1807, в 16 в 1812 г. [8, с. 494]). Однако создавались они по сословному принципу [7, с. 7]. Каждому сословию отводилась своя роль. В итоге в ополчающихся губерниях временная военная служба в той или иной мере затронула почти все слои населения: дворян, общины крестьян, купцов и мещан [8, с. 167–168]. Вклад городского населения в создание и земского войска, и земского ополчения был значительным. Участие мещанских обществ изучено меньше всего.

Перед количеством людей, денег, провизии и других материальных ресурсов, предоставленных купеческими и мещанскими общинами для создания ополчений, отступают на второй план остальные повинности и формы материального участия военного времени (экстраординарные сборы вещей, провианта, волов и лошадей для армии, добровольные подписки и т. п. [3; 5, с. 43–57]).

Сборы на ополчения – прежде всего людей и денег (на экипировку, провизию, вооружение ратников) – оказали большое воздействие на жизнь мещанских общин и отдельных семей начала XIX века. Цель данной работы – произвести комплексный анализ вклада обществ трех уездных городов Санкт-Петербургской губернии в составление ополчений – и оценить значение этого участия для мещанских семей и для общины в целом. Для этого необходимо: (1) проанализировать число ратников, поставленных в земское войско и земское ополчение, а также процент возвратившихся; (2) изучить организацию обществами денежных сборов: раскладок на милицию и ополчение 1812 г. – и определить «цену ратника» как для общины, так и для

отдельных семей (проанализировав общие суммы сборов общины и определив размеры взносов, собиравшихся с каждой души мужского пола); (3) сопоставить сборы ратников и ополченческих сумм с рекрутскими наборами и с подушной податью мещан.

Первое ополчение (земское войско или милиция 1806 – 1807 гг.) остается практически неизученной областью [7, с. 1–33]. В отличие от земского ополчения 1812 г. [1; 8; 11, с. 43–74; 21], участие русского общества в организации земского войска не получило должного освещения – отчасти потому, что милиция традиционно воспринималась скорее как эпизод «войны монархов» [8, с. 493]. Мало исследованы сборы на оба ополчения городскими сословиями (особенно в уездных городах). Больше внимания привлекали сборы ратников в уездах, организовывавшиеся дворянством (отвечавшим и за сборы губернии в целом [1, с. 48–59]). В основном изучалось участие обществ крупнейших городов, прежде всего Москвы и Санкт-Петербурга. В большей степени освещен вклад купеческих общин, сдававших коллективные и индивидуальные «добровольные пожертвования» (чаще всего приводятся общие суммы, внесенные купеческими обществами и размеры взносов членов общины [3, с. 61; 5, с. 49–52; 6; 8, с. 160–163]). Участие же мещанских общин в ополчениях практически не исследовалось (И. Ю. Лапина обратилась к анализу ратников от мещанских обществ Санкт-Петербурга и уездных городов столичной губернии в 1812 – 1814 гг. [8, с. 257–259; 464–465]). Еще в исследованиях начала XX в. можно встретить утверждения, что мещане не участвовали в милиции [7, с. 14]. В действительности изучение вклада мещан перспективно как раз потому, что городские общины «ополчающихся» губерний участвовали в обоих ополчениях (тогда как казенные и удельные крестьяне – лишь в милиции; в 1812 г. ратников-крестьян поставляли только помещики).

Большой потенциал представляет изучение материалов локального уровня из фондов архивов городского самоуправления – городских дум и магистратов: журналы заседаний дум, приговоры обществ, переписка с губернатором (здесь и далее, если не указано иначе – гражданским губернатором), казённой палатой, рапорты, налоговые регистры, отчеты о сборах и недоимках. Исследователи мало обращаются к материалам этого уровня (чаще всего это специалисты-краеведы; лучше изучены только фонды московской и Санкт-Петербургской дум).

Данная работа совмещает локальный и региональный анализ: исследуется сбор ратников и денег на них в трех уездных городах, входивших в состав единого исторически устоявшегося региона (в терминологии А. В. Белова [2, с. 238]). Использовались документы городских дум Новой Ладogi, Гдова и Софии (Царское Село). Три выбранных уездных города различались размерами, хозяйственной составляющей, структурой населения. Но все они входили в состав единой, исторической и экономической общности – русского Северо-Запада, что обусловило ряд схожих черт, проявившихся при сборах ополчений. Города этого региона развивались в особых условиях, защищая страну с Северо-Западного направления. В начале XIX в. все они входили в Санкт-Петербургскую губернию, самую значимую часть империи в военном отношении: здесь находилась военно-административная столица империи, квартиры гвардии, базы флота и форты, военные производства [33, с. 65–72]. Неслучайно милицейские [7, с. 19–20] и ополченческие части, набранные в Северо-Западных губерниях, были лучше всего вооружены и оказались наиболее боеспособными [1, с. 68–70; 8, с. 263–267, 283–284]. Дополнительно привлекались списки ратников-мещан из фонда Комитета временного ополчения Санкт-Петербургской губернии, в которых зафиксирована информация об их службе и демобилизации [23] (в 1812 г. многие ратники от обществ мещан и ремесленников губернии были собраны в первую дружину [8, с. 258]).

Новая Ладога, расположенная у входа в Ладожский канал, была вторым по величине уездным городом губернии после столицы (канал стал важнейшим звеном

всех трех систем, ведущих из Волги в Балтийское море). В 1782 г. в трех кварталах Новой Ладого состояло свыше 300 деревянных домов (более половины ветхих), четыре каменные церкви и полковая деревянная [16, л. 97об–98]. Общество мещан с 558 д. м. п. в 1782 г. [16, л. 99] выросло до 741 в 1806 г. [26, л. 8], а в 1812 достигло 898 ([29, л. 131–132] включая 60 цеховых и 7 рабочих – эти категории несли повинности и участвовали в сборах в составе мещанского общества [20, с. 50]). В Новой Ладогe уже в 1780-х гг. проходило две ярмарки в год, привлекавшие гостей из обеих столиц, Каргополя, Новгорода, Вологды, Ярославля, Бежецка и других городов [16, л. 98 об.] Мещане и купцы (купеческая община насчитывала в 1780-х – начале 1810-х гг. от 200 до 300 душ [16, л. 98; 26, л. 2, 106, 112; 29, л. 108, 112]) торговали самым разным товаром: купленным в столице, Москве, у прибывавших купцов, включая «проезжающих на барках» (сукна, «шелковые, бумажные и шерстяные материи», серебро отделанное, кожи, овес, пенька, свечи, мыло, вино, рыба, мясо и т. п.). В столицу отправляли на продажу «кожи выделанные и невыделанные, бревна, дрова, сено, уголье, известь, рыбу» [16, л. 98об].

Гдов был небольшим уездным центром в западной части губернии (в 100 верстах от Пскова). В 1780-х гг. в городе насчитывалось около 150 домов в двух кварталах, две каменные и три деревянных церкви [16, л. 88]. В 1806 г. в Гдове было зарегистрировано всего 139 д. м. п. мещан и 123 д. м. п. купцов [30, л. 2, 24]; к 1812 г. в общине числилось около 200 душ мещан (с находящимися на утверждении казённой палатой – до 257) и 84 д. м. п. купцов третьей гильдии [32, л. 16]. Торговля велась на небольшую сумму («Жители города торгуют только мелочным и харчевным товаром в городе, а далее промыслов не имеют» [16, л. 88об]).

В Софии в 1806 г. числилось 768 д. м. п. мещан [18, л. 21, 27, 85–87]. В 1808 г. население пришедшего в упадок посада перевели в Царское Село. В 1811 г. Царско-сельской ратуше подчинили посады Гатчины и Павловска, также пустевшие: к 1812 г. в трех городах числилось 883 д. м. п. мещан (543 царскосельских, 268 гатчинских и 72 павловских [19, л. 68–69, 98]). Значительная часть мещан в городах при резиденциях, по всей видимости, были заняты в придворных службах, выполняли поставки, заказы, подряды на ремонт и строительство дворцовых, административных и военных заведений.

Производство в городах развивалась постепенно: в 1780-х гг. по указу Екатерины II появилась казенная «прядельная» фабрика в Гдове и три «образцовые» в Софии (прядельная, полотняная, ткацкая). В Новой Ладогe в 1780-х гг. было два купеческих завода, канатный и кожевенный (по 20 работников [16, л. 11 об., 89, 99]).

Организация ополчений в городах

Идею созыва первого ополчения – земского войска – в конце 1806 г. принято считать собственной идеей Александра I, хотя высказывались и другие предположения [7, с. 3]. При создании ополчения, очевидно, учитывались обсуждения возможных проектов военных реформ, появлявшихся с 1790-х гг. Ключевая проблема рекрутской системы, остро обозначившаяся с переходом к массовым войнам в конце XVIII – начале XIX вв., заключалась в невозможности иметь обученный резерв [1, с. 5; 4, с. 69–70]. В результате приходилось содержать большую постоянную армию, увеличивавшуюся в течение всего правления Александра I (с 450 000 в 1801 г. до почти 1 000 000 в 1820-х гг. [4, с. 12, 15]). При этом Россия располагала значительным опытом создания иррегулярных и полувоенных сил в XVIII в. (ландмилиция, кантонная система и др.). Наверняка рассматривались и недавние опыты организации временных вооруженных сил в Европе – прежде всего *Levée en masse* (всеобщая мобилизация во Франции в 1793–94 г., ставшая переходной мерой к введению всеобщего воинского призыва в 1798 г.), создание французской национальной гвардии и британской милиции. Последняя была учреждена актом о милиции 1757 г. [34, с. 26] и собиралась во время войн для защиты территории страны и поддержания внутреннего спокойствия

(например, в 1805 г., в ожидании высадки французской армии, было собрано более 500 000 человек [36, с. 149]).

О сборе ополчений в декабре 1806 г. и в июле 1812 г. городские власти информировала губернская канцелярия, рассылавшая манифесты и следовавшие за ними «предложения» губернаторов, иногда с приложением распоряжений главнокомандующего в Санкт-Петербурге (С. К. Вязмитинова), а также начальников ополчений. Корреспонденцию получали и зачитывали в думе в присутствии городского главы: так как в большинстве уездных городов градские думы не образовались, губернатор и казённая палата фактически переписывались с шестигласными думами. В Гдове на собраниях думы присутствовало всего 3 человека: городской глава (купец) и по одному выборному от общин купцов и мещан (см. журналы думы [например, 31]). По всей видимости, дума была компактной и в Новой Ладого. После прочтения указаний дума (в Софии-Царском Селе – ратуша) назначала на ближайшие дни собрания обществ, о чем предписывалось объявить их старостам (мещане и купцы почти всегда встречались отдельно).

Значение сборов на ополчение остается дискуссионным вопросом. В историографии было распространено мнение о широком добровольном участии всего податного населения в сборах ополчения 1812 г. (отчасти и крепостных [1, с. 37–41]). В отношении городских сословий многие исследователи подчеркивают, что необходимо четко установить, в какой мере современники–горожане могли считать ополчение повинностью или добровольным вкладом обществ и отдельных граждан. В частности, требуется более детальное изучение вопросов добровольности, соотношения между решением общин и частными инициативами купцов и мещан [8, с. 163, 175–182; 36, с. 149]. Так, в отношении купеческих «пожертвований» в 1812 г. существуют разные мнения (считать ли взносы купцов на ополчение добровольной помощью – или же их следует относить к повинностям военного времени [3, с. 61; 5, с. 49–51]).

Для мещан основной формой военной повинности в мирное и военное время было участие в рекрутских наборах (общины могли также нести постоянную повинность и ряд других). Осенью думы доводили до мещанских общин число рекрутов, требующихся с «участка» в 500 д. м. п., и собрания мещанских обществ назначали людей и раскладывали денежный сбор – на экипировку, «жалованье», доставку партий рекрутов в Санкт-Петербург.

Во время военных действий городские сословия присоединялись к выполнению разного рода экстраординарных поставок. Например, в 1812 г. население губерний собирало средства на поставку армии волов, лошадей, фур, подвижных магазинов, одежды и экипировки для новых полков; кроме того, организовывались «благотворительные» подписки на помощь раненым, беженцам и т. п. Большую долю «денежных» сборов давали купцы [3, с. 60–61; 5, с. 49–51]. Выставление же людей [8, с. 175–176] – ратников ополчений – манифестами 1806 и 1812 гг. определялось как обязанность мещанских обществ [12, № 22374; 14, № 25188]): то есть для мещан поставка полностью экипированных за счет обществ ратников являлось обязательной к выполнению повинностью. От мещанских обществ могли быть также затребованы подводы и другие поставки, но именно ополченческая повинность и в 1806 – 1807, и в 1812 г. составляла главный вклад общин.

Поставки ратников

Согласно манифестам 1806 и 1812 г., от городских обществ требовалась поставка определенной пропорции ратников от числа мужских душ, полностью экипированных за счет общины и снабженных 3-х месячным провиантом и жалованьем – 3 рубля на 3 месяца в 1807 г., 6 рублей в 1812 г. – а также оружием [12, № 22374; 7, с. 15]). При этом участвовавшие в ополчениях губерний в 1807 и 1812–14 гг. освобождались от рекрутской повинности до возвращения и подсчета ратников. Во время службы ратников их семьи и общины не платили за них подушной подати и прочих сборов ([12,

№ 22496;]), а за умерших в ополчении и пропавших без вести общества получали квитанции как за рекрутов.

От Санкт-Петербургской губернии в декабре 1806 г. потребовали в течение двух недель подготовить 1 ратника от каждых 16 д. м. п. в возрасте от 20 до 45 лет ([12, № 22385]). С января 1807 г. возраст расширили до 17 – 50 лет [18, л. 61–62, 87]. В 1812 г. брали ратников от 17 до 45 лет [29, л. 18]). В декабре 1806 г. и в июле 1812 г. собрания обществ назначили ратников и организовывали срочные сборы: деньги, собранные общиной, должны были покрыть покупку одежды, экипировки, 3-месячного провианта, а также жалованье, «награждение» от общества и расходы по поиску ратников, содержанию их в городе и на дорогу до места приема (в 1812 г. всех отправляли в столицу). Одежда отличалась от формы рекрутов: в декабре 1806 г. было разрешено использовать довольно привычную людям одежду [12, № 22385], а в июле 1812 г. сразу рассылалась детальная «записка» о том, как следовало экипировать ратников [29, л. 20] (две пары сапог, рубашек, штаны, кафтаны серого или зеленого сукна, шуба, ранец и т.п.). Чтобы уверить людей, что служба временная, и в 1806, и в 1812 гг. подчёркивалось, что бритья бород и «лбов» не требуется [18, л. 8; 29, л. 20б.].

В начале марта 1807 г., когда вторжение французских армий было уже маловероятным, пропорцию сократили до 1 ратника с 57 д. м. п. [12, № 22496]. В результате в течение весны была постепенно собрана только треть от планируемого 612 000-ного земского войска, названная «подвижной милицией» [4, с. 72; 7, с. 26]. При этом думы получили указания сдать трехмесячную провизию и жалованье исходя из изначально назначенного числа ратников (1:16) [12, № 22496]. Подвижная милиция не успела принять участия в военных действиях, а вывоз провианта затягивался. В итоге думам было предписано продать запасы и сдать деньги в казначейство: аукционы в городах по продаже «милиционных» запасов проходили еще в 1808 – 1809 гг. [18, л. 120; 25, л. 75–100], а остатки оружия для милиции сохранялась в думах и в 1812 г. [19, л. 390б; 29, л. 22]. На фоне медленно организуемой подвижной милиции выделялись 32 «батальона стрелков»: так были названы первые и лучше всего экипированные подразделения, которые стали спешно создаваться в феврале-марте 1807 г. [7, с. 19–24]. Первым был сформирован батальон Санкт-Петербургской губернии: уже в начале февраля от дум требовали срочно направить «приобвыкших» к огнестрельному оружию людей [7, с. 19; 12, № 22480; 18, л. 57–60]). Стрелки уже 23 февраля выдвинулись из столицы в Ригу [7, с. 20]. В рядах батальона было 24 человека из Софии [18, с. 92, 129]: город был ближе всего к Санкт-Петербургу и направил своих людей до того, как поступили распоряжения о сокращении набора до 1 с 57 – в итоге София поставила больше ратников, чем другие города (см. Таблицу 1). Для сравнения: в 1805 – 1811 гг. самые тяжелые рекрутские наборы составляли 5 рекрутов с 500 д. м. п., и София и Новая Ладога – города с общинами около 750 – 900 д. м. п. – отправляли не более 6 – 7 человек [26, л. 19].

За исключением стрелков подвижная милиция в боях не участвовала. Пока ее собирали, война закончилась и в июне 1807 г. был подписан Тильзитский мир [4, с. 72]. Двумя манифестами от 27.09.1807 г. было объявлено, что ратники отдаются в качестве рекрутов на пополнение армии – если их не востребуют в течение 4 недель общества и помещики [12, № 22634, № 22636]. Зачисление в армию вызвало ряд волнений среди ополченцев [4, с. 72–73] (отметим, что многие ратники были старше 30 и даже 40 лет [30, л. 13]). Но за ратников были выданы рекрутские квитанции, а набор 1807 г. был отменен [12, № 22634]. В итоге менее 13 000 из 200 000 ратников были возвращены [7, с. 30–31]). С. А. Гулевич подчеркивал, что виновато в таком окончании милиции было не правительство, а помещики, не пожелавшие возвращать ратников. Однако и во всех рассмотренных городах собрания общин решили так же: оставить ратников в службе с выдачей квитанций [18, л. 106; 30, л. 44]. Эти квитанции предъявляли к приему в течение многих лет: «запас» ратнических квитанций помог городским общинам снизить число людей, подлежащих к отдаче в рекруты в эти годы

[27, л. 18], когда требования росли с каждым набором [4, с. 73–74] (в Царском Селе квитанции за «милиционных ратников» предъявляли к зачету до 1817 г. [17, л. 30–31, 44], а несколько штук решено было продать по 500 р. [18, л. 107–117],).

Сложности с организацией милиции (которая в итоге «представила собою совсем не то, что предполагалось создать» [7, с. 18]), послужили ценным уроком. Между 1807 и 1812 гг. появились важные регулирующие акты, которые помогли уменьшить задержки при назначении рекрутов и ратников приговорами обществ [13, с. № 22982, 23872; 4, с. 71]. Были сделаны и организационные выводы. В 1812 г. страна была разделена на три округа ополчения (вместо семи областей земского войска): в 1 – 2 округах и в зем округе мобилизационные меры различались [8, с. 170–175; 14, № 25188].

Таблица № 1 дает представление о числе ратников, которые общины обязаны были поставить в 1806 – 1807 и 1812 гг., количестве поступивших на службу, а также возвратившихся (для ополчения 1812 г.). Это наиболее полные подсчеты: данные собраны из дел «О милиции» и «Об ополчении» фондов городских дум, списков ратников Комитета временного ополчения с информацией о возвращенных ([23]), а также отчета инспекторского департамента о местонахождении мещан губернии, поступивших в 1812 г. [15, л. 26]).

Таблица 1

Число ратников, запрошенных от обществ, поступивших в ополчения и возвратившихся (1806 – 1807, 1812 – 1815 гг.)¹

Земское войско 1807 г. (милиция)	Новая Ладога	София²	Гдов
Община мещан в 1806 (д. м. п.)	741	768	139
Затребовано в декабре 1806 г. (1 с 16 д. м. п.)	46	48	9
Затребовано в марте 1807 г. (1 с 57 д. м. п.)	13	13	2
Поставлено в 1807 г. (% от населения)	13 (1,75%)	24 (3,1%)	2 (1,4%)
Осенью 1807 г:	Сданы в армию	Сданы в армию	Сданы в армию
Земское ополчение 1812 г.			
Община мещан в 1812 (д. м. п.)	898	883	200
Затребовано в июле 1812 (1 с 10 д. м. п.)	90	83	20
Поставлено к 1813 г.	45 (5%)	83 (10%)	20 (10%)
Возвратилось в 1814 – 1815 г. (% от ушедших)	28 (62%)	48 (57%)	14 (70%)

Так как в марте 1807 г. требования к числу людей снизили, в земское войско в итоге поступило сравнительно небольшое число мещан. По всей видимости, в среднем по стране цифры поставленных ратников были ближе к 1 с 57 душ. Типичным было участие Новой Ладоги: 13 ратников – но для города эта цифра равнялась двум рекрутским наборам военного времени (по 5 рекрутов с 500 д. м. п.) – к тому же ратники милиции не вернулись. Цифры выше, как в Софии, вероятно, были характерны для крупных городов и уездных центров вблизи Санкт-Петербурга, Москвы, а также рядом с пунктами формирования милиции. Это предположение подтверждает случай Серпухова (наряду с Москвой и Коломной, Серпухов был крупнейшим промышленным центром Московской губернии с развитым текстильным производством). От общины в 1127 д. м. п. мещан здесь потребовали 78 ратников, а в марте 1807 г. – всего 20: но город уже отправил 47 человек [22, л. 57–58, 114, 161, 232].

Летом 1812 г. складывалась обратная ситуация: напряженность возрастала и власти стали требовать все больше людей. В 20-х числах июля губернатор М. М. Бакунин предписал думам выставить по 1 ратнику с 25 д. м. п., а уже к концу июля – по 1 с 10 душ [29, л. 18, 54]: дворянские собрания последовали примеру Московской губернии, принявшей столь жесткие обязательства [8, с. 202] (от мещан в 1812 г. обычно требовали ратников в той же пропорции, которую примут дворяне). В остальных губерниях брали по 1 с 15 – 25 душ. Даже центральные, самые угрожаемые губернии 1-го округа чаще всего поставляли 1 ратника с 25 д. м. п. [8, с. 215–300]. А, например, в Новгороде (Новгородская губерния вместе с Санкт-Петербургской образовали 2-й округ ополчения) мещанская община выставила всего лишь 32 ратника – 1 с 38 душ [8, с. 279–280].

В городах Санкт-Петербургской губернии поставки ратников в 1812 г. почти в 3,5 раза превысили отправки людей в милицию. В результате общины Новой Ладogi и Царского Села (с Гатчиной и Павловском) – обе до 900 д. м. п. – выставили в несколько раз больше людей, чем сдавалось в рекруты во время каждого набора в 1805–1811 гг. До 1812 г. наборы составляли 3 – 5 рекрутов с 500 душ и обе общины, как правило, отправляли до 6 – 7 человек за набор (а нередко вместо части набора представляли к зачету квитанции за милиционных ратников) [17, л. 17–32; 24, л. 53; 26, л. 112; 27, л. 50; 28, л. 13–15, 122]. Но следует отметить, что в 1812 – 1813 гг. были проведены и экстраординарно высокие рекрутские наборы [4, с. 73] в обществах, не участвовавших в ополчениях: забрали 28 человек с 500 д. м. п. (82 – 85 наборы: 2, 10, 8 и 8 человек с 500 д. м. п.; 83-й набор иногда ошибочно упомянут как 8 с 500 [4, с. 73–74; 17, л. 37–38]). «Ополчающиеся» общины мещан не участвовали в наборах начиная с 83-го, возобновив участие с 86-го набора в 1815 г. и уравнительного набора 1816 – 1817 гг. (так как ополчение возвратилось, с мещан потребовали рекрутов, недополученные за эти годы; засчитаны были только не вернувшиеся ратники [4, с. 74]).

Из Царского Села и Гдова в 1812 г. поступило почти вдвое больше ратников, чем из Новой Ладogi, которая остановилась на половине «плана». Можно высказать осторожное предположение, что причина этого заключалась не только в тяжелом состоянии мещан (на это жаловались во всех городах), но и в том, что общины Новой Ладogi – крупного, старого торгового центра – были более независимы (местные купцы тоже так и не собрали до конца обещанные 5000 р. [29, л. 165]). Дума в конце августа 1812 г. прямо, хотя и аккуратно, информировала губернатора Бакунина, что поставить большее число людей община не сможет [29, л. 117–117об.]. Губернатор же до октября безуспешно требовал к 45 выставленным еще 45 ратников [29, л. 129–131]. Очевидно: взаимоотношения городов с губернскими властями требует более детального изучения.

В 1812 г. в обществах была свежа память о зачислении ратников милиции в армию, поэтому в тексте манифеста от 18.07.1812 г. подчеркивалось, что новый набор «не есть милиция или рекрутский набор, но временное верных сынов России ополчение» [14, № 25188]. Но земское ополчение в итоге было распущено. Практически все губернские ополчения были освобождены от службы указами от 22.01.1814 [14, № 22523, 22524], последовавшем после взятия Данцига, в осаде которого принимали участие и ратники Санкт-Петербургской губернии. Партии мещан, как и крестьян, организованно препровождались до родного города, где их принимали в думе или магистрате. Большинство ратников возвратилось в течение 1814 г. небольшими партиями. Сопровождением ратников обычно занимались небольшие военные команды и нижние земские суды. Отдельные небольшие группы (1 – 3 ратника) могли присылаться от губернатора, поступать в город вместе с почтой и прочими «оказиями» [29].

В среднем в города возвратилось около 60 % ополченцев, что позволяет несколько скорректировать существующие оценки [8, с. 464–465]: дело в том, что некоторые ратники прибыли позже, летом–осенью 1814 г. Например, поздно

возвратились мещане, служившие в волонтерских казачьих полках, относившихся к ополчению Санкт-Петербургской губернии: в Новую Ладугу пятеро «казаков» «от полковника Березникова» прибыли 31.12.1814 [29, л. 190]. Как показывают списки губернского Комитета ополчения 1812 г., большое число ратников были оставлены в госпиталях или разных местах по болезни или «слабости» («отстал на марше»). Из боевых потерь наибольшее число приходится на вторую битву за Полоцк (18 – 20 октября 1812 г. [23]). Многие оставленные ратники, о которых у Комитета не было сведений, очевидно, скончались от болезней. Какое-то количество могло оказаться в других частях, в том числе в армии: некоторые упомянуты как оставленные для «караула» в разных городах и при обозах [23] (вероятно, оставляли слабых, неспособных к маршу, ратников старших возрастов).

Денежные сборы общины

Но помимо поставки людей, второй – и тоже крайне важной – стороной «ополченческой» обязанности общин был сбор денежных средств. За счет общин ратников нужно было экипировать, снабдить продовольствием, жалованьем и награждением, а также (по крайней мере в 1807 г.) – требовалось купить оружие по числу назначенных в ополчение людей.

Собрания мещан в декабре 1806 г. и в июле 1812 г. постановили провести срочные сборы, размер которых был для общины существенен: необходимо было подготовить гораздо больше человек, чем во время рекрутских наборов. Сохранившиеся отчеты о сборах и тратах, составленные мещанскими старостами, отдатчиками и другими должностными лицами общин, свидетельствуют, что на одного ратника требовалось от 100 до 200 рублей, причем в 1812 г. суммы составляли около 200 р. (вероятно, сказалось и инфляция: в 1806 – 1812 гг. курс ассигнационного рубля опустился вдвое [10, с. 129–132]). Исходя из общих сумм сборов и числа поставленных ратников, можно заключить, что в 1812 г. в Новой Ладуге один ополченец обходился обществу в 222 рубля [29, л. 165], а в Царском селе – в 192 р. [19, л. 8]. Города были сопоставимы по числу душ. Новая Ладога располагалась дальше от столицы: но город соединялся с Невой каналом: почти все ратники были поставлены в Санкт-Петербург уже к началу августа. В указанную выше «цену ратника» входили все затраты: стоимость одежды и экипировки (ранцы, патронташи и т. д.), трехмесячного запаса продовольствия (ржаная мука и гречневая крупа), жалованье ратника, «награждение» от общины, а также накладные расходы на доставку партий до Санкт-Петербурга (ратников обычно сопровождали отдатчик и нескольких «проводящих» и всем требовались квартиры и питание). В 1807 г. ратников передавали милицейским начальникам, а в 1812 г. почти всех – вместе с продовольствием и жалованьем – «сдавали» в столице: приемом занимался Комитет ополчения в доме придворного банкира барона А. Ф. Раля (сегодня – улица Галерная, 75).

Как правило, награждение от общины передавалось ратникам при отдаче. Награждение чаще всего составляло 25 р. [22, л. 154; 29, л. 98, 165], но некоторые ратники могли получать и до 75 – 100 р. (видимо, это были волонтеры; точно также разнилось и награждение рекрутов – но из награждения община всегда вычитала долги: в рекруты и в ратники часто назначали неплательщиков [19, л. 207]). Для сравнения: годовое жалованье солдата составляло в 1814 г. 12 рублей, писаря или урядника – 14 р. [19, л. 212–215]. Ратники же обеспечивались как жалованьем (3 рубля в 1807 г. и 6 р. в 1812), так и солидным награждением. В результате выставление ратника общинам обходилось дороже, чем отправка рекрутов: им полагалась только одежда, 3-х месячный провиант и жалованье (3 рубля [17, л. 37–41]).

Удорожали цену ратника для общины и покупки оружия. Манифесты давали нечеткие указания, за чей счет следовало вооружать людей: в основном распоряжения поступали позже. Некоторое количество оружия мещане и купцы сдавали в думу безвозмездно, особенно в 1807 г., но его не хватало (и как правило приносили устаревшие образцы [25, л. 50]). Поэтому на милицию все рассматриваемые общины закупали

оружие организовано: в Новой Ладогe приобрели 46 ружей со штыками [25, л. 100]. В Софии – видимо, менее богатой – 48 пик [18, л. 129]. Однако огнестрельное оружие – и пожертвованное, и приобретенное – ратники не получили: в марте 1807 г. все годные образцы изъяли милицейские начальники [25, л. 100] (организация сборов милиции постоянно пересматривалась). Не найдено упоминаний в документах дум о закупке оружия общинами в 1812 г.: вероятно, его выдавали из арсеналов.

Насколько тяжелы были сборы на ратников для обществ и отдельных мещан? Проведем сравнение со сборами на рекрутов.

Сразу отметим, что большую сложность представляла срочность сбора. Даже на рекрутов обществам было непросто собрать деньги и часто приходилось занимать их у думы (в Новой Ладогe в 1805 г. мещане просили 800 рублей на подготовку 6 рекрутов [24, л. 22, 28], а в 1810 г. – 700 р. для четверых [28, л. 105]). В 1812 г. гдовская община сразу же попросило думу выдать на два месяца под указные проценты (6 %) 1000 рублей для покрытия расходов на десятерых ратников [32, л. 250б.]. Сбирать деньги быстро маленькая община не могла: многие жили в уезде, в частности в деревне Кобылье городище в 70 верстах.

Сборы на ратников мещане платили по числу д. м. п. в семье. Поэтому для правильной оценки значимости ополченческих повинностей необходимо определить как общую сумму сбора общин, так и взносы с одной души. По милиции сохранилось меньше данных: в Гдове сдавали по 4 рубля 15 копеек с одной д. м. п. [30, л. 28]. В 1812 г. от Гдова в итоге выставили не 10, а 20 человек [32, л. 26]: значит собирать должны были не тысячу рублей, а приблизительно вдвое больше – что говорит о том, что взносы должны были быть около 10 рублей с души. В Новой Ладогe в 1812 г. община решила собрать 10 000 р. на подготовку 90 ратников. Хотя отправлено было только 45 человек, осенью 1813 г. упоминалось, что сбор 10 000 рублей «близится к завершению» [29, л. 165]. Значит собирать должны были около 11 – 12 рублей с д. м. п. (в общине за вычетом ратников оставалось около 850 душ). В Царском Селе в 1812 г. община собрала 9 642 рублей на 50 ратников, выставленных именно от царкосельского посада [19, л. 8]: при численности посада около 500 д. м. п. (также без ратников) сбор должен был составить порядка 19 рублей.

Конечно, не все платили. Но можно с аккуратностью резюмировать, что при «цене ратника» в 1812 г. около 200 рублей взносы колебались между 10 и 20 рублями с одной д. м. п. (во время милиции цифры, вероятно, были вдвое ниже).

Суммы индивидуальных взносов на ополчение в первую очередь логично сравнить с рекрутскими деньгами, которые в конце года – во время очередного набора – община раскладывала также по числу д. м. п. в семье. Сумма варьировалась в зависимости от числа требуемых рекрутов и, вероятно, инфляции. В Новой Ладогe во время набора 1806 г. (требовали шестерых рекрутов с 741 душ) община постановила собирать по 2 рубля в души. Годом ранее, в 1805 г. – при в целом таком же наборе – община собирала по 3 р. 15 к. [26, л. 8–9] (усложняет подсчеты тот факт, что нередко в рекрутские деньги заодно включали и сбор недоимок «за мещан престарелых, дряхлых и бедного состояния» [28, л. 102] – возможно, на их погашение могла пойти и часть ратнических сумм, если что-нибудь оставалось). Но в 1810 г., когда от Новой Ладогe снова запросили 6 человек, община опять разложила сбор по 2 рубля с д. м. п. [28, л. 17–18]. По всей видимости, 2 рубля с души можно принять за обычный сбор на рекрутов между 1805 и 1811 г. (в 1790-х собирали по 50 – 70 коп.).

Во-вторых, взносы на ополчение можно сравнить с подушной податью, которую платили мещане: она составляла 2 р. в 1798 г., была повышено до 5 рублей в 1810 г., и до 8 рублей – в 1812 г. [20, с. 42].

А как пример экстраординарного военного сбора можно взять взносы на артиллерийских лошадей, которые взимали в 1812 г. с мещан и цеховых столичной губернии: в Гдове после раскладки сбора взносы составили не более полрублия с души [31, л. 1].

Получается, что на милицию и ополчение 1812 г. мещане сдавали суммы, как минимум эквивалентные подушной подати – а в 1812 г. их взносы на ратников могли и полтора раза превышать подушный оклад (и даже в два раза – как это, очевидно, было в Царском Селе). В то же время взносы на ополчение в несколько раз превышали и обычные в эти годы рекрутские взносы – 2 рубля. Особенно сложным для мещан был 1812 г., когда была повышена подушная подать и потребовалось вносить крайне большие суммы на ратников.

Хотя в 1812 г. думы передавали губернатору жалобы общин, что поставка ратников и сбор денег на них ставят мещан на грань разорения, суммы в итоге собирались, пускай и с задержками (вплоть до конца 1813 г., как это было в Новой Ладого [29, л. 165]), а ратники были экипированы и в целом выставлены в срок. Поэтому преждевременно делать выводы о том, насколько взносы на ополчения – наряду с другими, возросшими в эти годы сборами – сказались на положении мещан. Необходимо учитывать и падение курса ассигнационного рубля. Для более полной оценки следует изучить дополнительные источники, включая документы о сборах и недоимках за эти годы.

Заключение

Очевидно, что вклад мещан – людьми и деньгами – в организацию ополчений был более чем значительным как для отдельных людей, так и для всей общины. При этом участие мещан в земском войске (милиции), не должно забываться на фоне вклада, сделанного в 1812 г. Число ратников, поставленных в 1807 г., было меньше, чем в 1812 г.: однако милицейские ратники не возвратились в свои общины. Кроме того, в 1806 – 1807 г. году были затрачены крупные суммы на покупку ратникам провизии, заготовку жалованья и оружия – причем все припасы начальники милиции в итоге изъяли по числу изначально назначенных ратников. Суммы сборов на ратников с одной души превышали взносы мещан на рекрутов и платимую ими подушную подать. В 1812 г. взносы были крупнее всего, что объясняется большим количеством людей, запрошенных от городов, а также снижением курса ассигнаций.

Наконец, потери обществ были существенны. К 1815 г. возвратилось только около 60 % мещан, поступивших в земское ополчение. Многие из них были награждены серебряными медалями «В память войны 1812 г.» (видимо, полагалась всем, побывавшим в сражениях). Ряд ополченцев возвратились в чине урядников. Несомненно, служба в ополчении должно была оставить глубокие впечатления: ратники побывали в странах Европы, дошли до Данцига. Эти и ряд других вопросов, только частично рассмотренных в данной статье, подтверждают, что и земское войско, и земское ополчение – и их значение для русского общества – требуют дальнейшего изучения.

Примечания

1. Составлено по источникам из списка: 15, 17 – 19, 23 – 32.
2. С 1808 г. – Царское село. Для ополчения 1812 г. указаны общие числа по Царскому Селу, Павловску, Гатчине.

Список источников и литературы

1. Бабкин В. И. *Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года*. М.: Соцэкгиз, 1962. 212 с.
2. Белов А. В. *1812 год в судьбе русского города*. М.: Полит. энцикл., 2018. 326 с.
3. Белоусов С. В. *Купечество среднего Поволжья в Отечественной войне 1812 года // Вестник СамГУ. 2010. № 3 (77). С. 59–63.*
4. Бескровный Л. Г. *Русская армия и флот в XIX веке*. М.: Наука, 1973. 616 с.

5. Бессонов В. А. Калужский край в Отечественной войне 1812 г. Калуга: Золотая аллея, 2011. 256 с.
6. Горновский И. А. Сто лет назад. Милиция 1806 – 1807 годов и пожертвования на нее // Русский архив. 1904. Вып. 8. С. 534–554.
7. Гулевич С. А. История Лейб-гвардии Финляндского полка, 1806 – 1906 гг. СПб.: Экономическая типо-литография, 1906. Т. 1. 458 с.
8. Лапина И. Ю. Земское ополчение России 1812 – 1814 гг.: исследование причин возникновения губернских воинских формирований и анализ основных этапов их участия в войне с Наполеоном : дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 / Лапина Ирина Юрьевна. СПб., 2008. 626 с.
9. Миронов Б. Н. Русский город в 1740 – 1860-е годы: демографическое, социальное и экономическое развитие. Л.: Наука, 1990. 272 с.
10. Морозан В. В. История банковского дела в России (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.). СПб.: Крига, 2004. 400 с.
11. Отечественная война и русское общество: 1812 – 1912 / под ред. А. К. Дживелегова, С. П. Мельгунова, В. И. Пичета. М.: Т-во И. Д. Сытина, 1912. Т. 5. 236 с.
12. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое (ПСЗ-1). Т. 29. СПб.: Тип. 2-го Отд. Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830. 1391 с.
13. ПСЗ-1. Т. 30. 1830. 1408 с.
14. ПСЗ-1. Т. 32. 1830. 1129 с.
15. РГВИА. Ф. 395. Оп. 240. Д. 17.
16. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 18999.
17. РГИА. Ф. 488. Оп. 1. Д. 6.
18. РГИА. Ф. 488. Оп. 1. Д. 907.
19. РГИА. Ф. 488. Оп. 1. Д. 1060.
20. Рындзюнский П. Г. Городское гражданство дореформенной России. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1958. 559 с.
21. Спиридонова Л. М. Ополчения 1812 года: постсоветская историография // Военно-исторический журнал. 2017. № 8. С. 85–91.
22. ЦГА Москвы. Ф. 1036. Оп. 1. Д. 107.
23. ЦГИА СПб. Ф. 189. Оп. 1. Д. 140.
24. ЦГИА. Ф. 881. Оп. 1. Д. 188.
25. ЦГИА. Ф. 685. Оп. 1. Д. 206.
26. ЦГИА. Ф. 685. Оп. 1. Д. 230.
27. ЦГИА. Ф. 685. Оп. 1. Д. 332.
28. ЦГИА. Ф. 685. Оп. 1. Д. 428.
29. ЦГИА. Ф. 685. Оп. 1. Д. 500.
30. ЦГИА. Ф. 881. Оп. 1. Д. 215.
31. ЦГИА. Ф. 881. Оп. 1. Д. 343.
32. ЦГИА. Ф. 881. Оп. 1. Д. 345.
33. Юркевич Е. И. Военный Петербург эпохи Павла I. М.: Центрполиграф ; СПб.: МуМ-Дельта, 2007. 276 с.
34. Brewer J. *The Sinews of Power: War, Money and the English State 1688 – 1783*. N.Y.: Alfred A. Knopf, 1989. 289 p.
35. Hartley J. M. *Russia, 1762 – 1825: Military Power, the State, and the People*. Westport: Praeger, 2008. 318 p.
36. Hartley J. M. *Patriotism in the Provinces in 1812: Volunteers and Donations // Russia and the Napoleonic Wars (War, Culture and Society, 1750-1850) / ed.: J. M. Hartley, P. Keenan, D. Lieven*. London: Palgrave Macmillan, 2015. P. 148–161.

References

1. Babkin V. I. *Narodnoe opolchenie v Otechestvennoy voyne 1812 goda [National militia in the Patriotic War of 1812]*. Moscow: Sotsekgiz publ, 1962. 212 p. [In Russian].
2. Belov A. V. *1812 god v sud'be russkogo goroda [1812 year in the fate of a Russian town]*. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya publ, 2018. 326 p. [In Russian].
3. Belousov S. V. *Kupechestvo srednego Povolzh'ia v Otechestvennoy voyne 1812 goda. Vestnik SamGU [Merchants of the mid-Volga region in the Patriotic War of 1812]. Vestnik of Samara State University*. 2010. Issue 3 (77). Pp. 59–63. [In Russian].
4. Beskrovnyy L. G. *Russkaya armiya i flot v XIX veke [Russian army and navy in the XIX c.]*. Moscow: Nauka publ, 1973. 616 p. [In Russian].
5. Bessonov V. A. *Kaluzhskiy kraj v Otechestvennoy voyne 1812 g. [Kaluga region in the Patriotic War of 1812]*. Kaluga: Zolotaya alleya publ, 2011. 256 p. [In Russian].
6. Gornovskiy I. A. *Sto let nazad. Militiya 1806 – 1807 godov i pozhertvovaniya na neyo [Hundred year ago: Militia of 1806 – 1807 and donations for it]*. *Russkiy arkhiv*, 1904. Issue 8, Pp. 534–554. [In Russian].
7. Gulevich C. A. *Istoriya Leib-gvardii Finliandskogo polka, 1806 – 1906 gg. [The history of Leib Guard Finland regiment]*. St. Petersburg: Ekonomicheskaya tipografiya publ, 1906. 458 p. [In Russian].
8. Lapina I. Yu. *Zemskoe opolchenie Rossii 1812 – 1814 gg.: issledovanie prichin vozniknoveniya gubernskikh voinskiykh formirovaniy i analiz osnovnykh etapov ikh uchastiya v voyne s Napoleonom [National militia of Russia 1812 – 1814: the study of the origins of provincial military forces and the analysis of the main stages of their involvement in the War with Napoleon]: diss ... dr. ist. nauk [Doctoral thesis in History]: 07.00.02: Lapina Irina Yur'yevna. 30.10.2008. St. Petersburg, 2008. 616 p. [In Russian]*.
9. Mironov B. N. *Russkiy gorod v 1740 – 1860-e gody: demograficheskoe, sotsial'noe i ekonomicheskoe razvitiye [Russian town in the 1740s – 1860s: demographical, social, and economic development]*. Leningrad: Nauka publ, 1990. 272 p. [In Russian].
10. Morozan V. V. *Istoriya bankovskogo dela v Rossii (vtoraya polovina XVIII – pervaya polovina XIX v.) [The history of the banking in Russia (second half of the XVIII – first half of the XIX c.)]*. St. Petersburg: Kruga publ, 2004. 400 p. [In Russian].
11. *Otechestvennaya voyna i russkoe obshchestvo: 1812 – 1912 [The Patriotic War and the Russian society: 1812 – 1912]*, edited by A. K. Dzhivelegov, S. P. Mel'gunov, V. I. Pichet. Moscow: T-vo I. D. Sytina publ, 1912. Vol. 5. 236 p. [In Russian].
12. *Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii. Sobraniye pervoye (PSZ-I) [Complete collection of laws of the Russian Empire. First collection (PSZ-I)]*. Vol. 29. St. Petersburg: Tip. 2-go Otd. Sobstv. Ye. I. V. Kantselyarii publ, 1830. [In Russian].
13. *PSZ-I*. Vol. 30. 1408 p. 1830. [In Russian].
14. *PSZ-I*. Vol. 32. 1129 p. 1830. [In Russian].
15. *RGVIA*. F. 395. Inventory 240. File 17. [In Russian].
16. *RGVIA*. F. 846. Inventory 16. File 18999. [In Russian].
17. *RGIA* F. 488. Inventory 1. File 6. [In Russian].
18. *RGIA* F. 488. Inventory 1. File 907. [In Russian].
19. *RGIA* F. 488. Inventory 1. File 1060. [In Russian].
20. *Ryndzyunskiy P. G. Gorodskoe grazhdanstvo doreformennoy Rossii [Urban citizenship of pre-reform Russia]*. Moscow: Izd-vo Akad. nauk publ., 1958. 559 p. [In Russian].

21. Spiridonova L. M. Opolcheniya 1812 goda: postsovetskaya istoriografiya [Militias of 1812 year: post-soviet historiography]. *Voенно-istoricheskiy zhurnal*. 2017. Issue 8. Pp. 85–91. [In Russian].
22. TSGA g. Moskvу. Fund 1036. Inventory 1. File 107. [In Russian].
23. TSGIA SPb. Fund 189. Inventory 1. File 140. [In Russian].
24. TSGIA SPb. Fund 685. Inventory 1. File 188. [In Russian].
25. TSGIA SPb. Fund 685. Inventory 1. File 206. [In Russian].
26. TSGIA SPb. Fund 685. Inventory 1. File 230. [In Russian].
27. TSGIA SPb. Fund 685. Inventory 1. File 332. [In Russian].
28. TSGIA SPb. Fund 685. Inventory 1. File 428. [In Russian].
29. TSGIA SPb. Fund 685. Inventory 1. File 500. [In Russian].
30. TSGIA SPb. Fund 881. Inventory 1. File 215. [In Russian].
31. TSGIA SPb. Fund 881. Inventory 1. File 343. [In Russian].
32. TSGIA SPb. Fund 881. Inventory 1. File 345. [In Russian].
33. Iurkevich E. I. *Voенnyi Peterburg epokhi Pavla I [Military St. Petersburg of the epoch of Paul I]*. Moscow: Tsentrpoligraf publ., 2007. 276 p. [In Russian].
34. Brewer J. *The Sineus of Power: War, Money, and the English State, 1688 – 1783*. London: Unwin Hyman, 1989. 253 p.
35. Hartley J. M. *Russia, 1762 – 1825: Military Power, the State, and the People*. Westport: Praeger publ., 2008. 318 pp.
36. Hartley J. M. *Patriotism in the Provinces in 1812: Volunteers and Donations*. In: *Russia and the Napoleonic Wars*, editors: J. M. Hartley, P. Keenan, D. Lieven. London: Palgrave Macmillan publ., 2015. Pp. 148–162.

Дата поступления статьи: 30.03.2021
Дата решения о публикации: 21.06.2021

Date of receipt of article: 30.03.2021
Date of publication decision: 21.06.2021

Сведения об авторе

Белан Михаил Александрович,
DPhil Student исторического факультета
Оксфордского университета
(e-mail: mikhailbelan@mail.ru).

Information about the Author

Belan Mikhail Aleksandrovich,
DPhil Student, Faculty of History,
University of Oxford
(e-mail: mikhailbelan@mail.ru).